

Мария Текун

Цветок-Желание

рассказ

[Когда бутон раскрывается, и прекрасный цветок источает божественный аромат, мотыльки теряют голову]

ЦВЕТОК-ЖЕЛАНИЕ

Окна, окна, везде окна. Как странно, а мне все кажется, что за мной кто-то следит. Или как будто камера снимает, когда я не вижу. А что, хотелось бы и мне стать актрисой. Хотя... Нет, конечно это не серьезно, а так. А если серьезно? Ну, можно было бы учительницей, или...

- Настя! – кричат снизу. – Настя!

Это они мне. Сейчас. Сейчас выгляну, посмотрю.

Стоят внизу двое. Лиза и еще кто-то, я не знаю.

- Настя, иди к нам.

- Сейчас, - отвечает им. – Уже иду.

Спускаясь по лестнице, поправляет платье, платочек на шее, волосы.

Жаль, зеркальце забыла. Это потому что положить некуда. А сумку не охота тащить.

- Привет! – говорит Лиза.

- Привет! – говорит незнакомый.

- Привет! – отвечает им она.

- Это Лукас, познакомься, это мой друг. Он повезет нас в горы. А это Настя.

- Лукас? – повторила она, внимательно вглядываясь в его лицо. – Ты иностранец?

- Нет, - он, кажется, привычно хохотнул, - просто...

- Представляешь, - перебила его Лиза, - его родители в детстве назвали его Лука. Можешь себе представить?

- А потом что? Переименовали?

- Нет, - он снова засмеялся, - я сам себя переименовал, как ты выражаешься.

А он симпатичный, только вот рот – не очень. Слишком смазливо. И руки – как у девчонки. А так – даже похож на испанца. Черненький. Я бы на его месте не признавалась.

Теплый ветер нес с полей резкий запах неизвестной травы. Сладко пахло абрикосом. Жарко дышали разогретые камни. Море бурно синело вдали.

- Панамку не забыла? А то в голову напечет.
- Особенно с непривычки.
- Да, и очки возьми. Пригодятся.

Гостиница на окраине, сложенная из кучи битых кирпичей, или, может быть, из блоков, украденных на помойке? Как бы то ни было, не стоит оставаться тут без надобности лишний день. Да и деньги платить, за что?

- Когда мы едем?
- Скорее всего, завтра. Лукас должен разобраться с работой.
- Ты работаешь? Кем?
- Это поденка. Оформляю кафе.
- Ты художник?
- Скорее – строитель. Все сам.
- Ты умеешь? – она посмотрела на него с уважением.

Не часто встречались люди, которые что-то умели сами. Особенно своими руками. Она снова посмотрела на его руки. Не такие уж и противные. Твердые.

- Куда пойдем?
- Хочешь, покажем тебе парк. У нас красивый, почти как дендрарий, - сказала Лиза.
- И там не так жарко. Есть фонтаны и пруд. И много кафешек.
- Здорово!

Неужели есть люди, которые просто живут здесь, в таком раю! – чувство восторга не покидало ее. Все казалось волшебным, сказочным. – И чем это пахнет? Так сильно.

Густые ароматы южных широт были так непривычно обильны.

Ее бледный беспомощный носик, привыкший к пыли и железобетону, терялся во множестве чудных и удивительных запахов.

Теплый ласковый ветер трепал ее легкое платье, округляя бедра. Ноги шли сквозь подол, как сквозь воду. Лукас с улыбкой смотрел на нее.

Милая девочка, милая. И забавная.

Лиза пыталась что-то рассказывать, как экскурсовод. Но я все равно не слушаю. Вернее, не слышу, усердно кивая головой на интонации. Так странно смотреть на чужой город своими глазами. Все кажется таким... таким необычным. Смешно. Как же будет обычным то, что видишь впервые. О, хотелось бы мне так же увидеть и свой город. Интересно было бы.

Лукас смотрел на нее, улыбаясь. Он предоставил слово Лизе. Он больше любил смотреть.

В налетающем ветре он уловил едва заметный свежий аромат цветка. Радостный запах. Он ощутил в себе прилив новых сил. Прилив беспричинного счастья.

Он сошел с дорожки и углубился в заросли.

- Куда это он?

- Мало ли... Смотри, там впереди фонтан. А рядом есть беседки. Можем там посидеть, если хочешь.

Да, я хочу. Все хочу. Наконец-то свобода! Какая красота вокруг! И тепло. Жарко. Неужели кто-то живет здесь круглый год? Просто не верится.

Лукас принес цветок магнолии. Огромный белый цветок. Словно неживой, вылепленный из воска.

- Это тебе, держи.

Протянул.

Она аккуратно взяла за ножку. Понюхала. Как сладко пахнет! О, как сладко!

На юге всё сладко, и сочно, и ярко. Как в сказке.

- Нет, лучше так.

Он взял цветок и вплел ей в волосы, за ушко.

- Так красиво. Тебе идет, - он улыбнулся, глядя на нее.

- Мне было бы лучше, - засмеялась Лиза.

- Нет, ты темноволосая, тебе нужны красные цветы.

- Белые тоже ничего.

- Не тебе.

Настя поправила цветок. Жаль, зеркальце не взяла. Она взглянула на Лукаса. Его рот показался ей не таким уж и уродливым. Особенно, когда тот улыбался.

Надо же, как трогательно. Интересно, они здесь все такие? А мне все кажется, что я не очень. Выгляжу не очень. Редко кто смотрит. И, может быть, Лиза права. Ей было бы лучше. Она – вон какая, яркая. И уверена. А я – не очень.

Веселые птицы пели песни лета, скрываясь в густой листве. Наперебой, наперебой.

Это попугаи поют. Интересно, водятся тут попугаи? Скорее всего. Вон пальмы. Какие большие. Мне бы тоже хотелось так. А еще мороженого, холодного. И лимонаду. И гулять весь день до вечера под солнцем. Какой запах! Просто волшебно!

* * *

В машине душно. Горячий воздух врывается в окна, не освежая. Лукас за рулем. Еще и курит на такой жаре. Но ему, кажется, все равно. Лиза сидит впереди, рядом с ним. Снова что-то рассказывает. Я не запоминаю. Повороты, повороты. Меня тошнит. Медленно взбираемся в гору, круг за кругом.

Она так изменилась. Когда мы виделись в последний раз? Года два назад. Она и тогда была хороша, всегда хороша, но теперь

особенно. Появилось что-то неуловимое, женское. Интересно, они с Лукасом... или нет? Кажется, просто друзья.

Она видит его лицо в зеркале заднего вида. Он смотрит на нее. Но ей кажется, что на дороге. Часто смотрит. Потом он улыбается, встречаясь с ней взглядом. В зеркале видно только глаза. Красивые. И брови – как это говорят – соболиные? Блестящие, ровные.

Настя улыбнулась в ответ. Хорошо, что он и на меня обращает внимание, хоть немного. Всегда трудно с незнакомыми.

Машина старая. Слишком мягкие сидения – укачивает.

- Далеко еще?

- Почти приехали.

- Ты как? – оборачивается Лиза.

- Ничего, нормально, - делаю последнее усилие над собой.

Скорее бы уж.

Лукас сосредоточен. На горной дороге опасно: здесь скала, там – обрыв. Лучше не отвлекаться. Но нет сил не смотреть. Есть в ней что-то такое. Что не на виду. И хочется прикоснуться, почувствовать – настоящее ли? Этот носик, совсем прозрачная кожа, такие глаза – чистые. Как топазы в ручье.

Он ощутил вновь тот свежий запах неведомого цветка. Сердце его воодушевилось. Захотелось помчаться по шоссе, быстро, быстро, надавить на педаль, невзирая на повороты, на захлебывающийся мотор. Захотелось прыгнуть в море с самой высокой скалы и плыть, плыть.

Мотор взревел, взбираясь круто. Старый мустанг сдавал.

Жаль, что приехали.

- Приехали.

- Слава богу.

На дороге появились трое – хиппи, или панки, а может, и то и другое, или просто одичавшие. Кто их разберет. С виду не очень.

- Здорово, старик! – кричат издалека.
- Старина Лукас! Приветствуем тебя на сей обетованной земле!
- Кого ты нам привез?
- Привет всем, - машет рукой Лиза.
- Мона Лиза! Богиня цветов и плодов! Приветствуем тебя на сей обетованной земле.

Приближаются.

- Это Настя, - улыбается Лукас, - она тоже с нами.
- Анастасия! – распахнулись объятья.
- Вы к нам надолго?
Растерянно пожимает плечами.

Интересно, они со всеми так? Они здесь живут? Или тоже приехали? Странные типы. Кто такие?

Лиза обнимается с новыми. Лукас по-свойски обнял Настю за плечи.

- Это Дрон, - пожимает руки свободной рукой, - это Алекс, а это – Буш, знакомься.

С виду запросто, но прикоснулся легонько. Рука на ее плече почти невесома.

Страшно дотронуться. Эти плечики, сарафанчик. Волосы пахнут магнолией. Как они живут, эти женщины, такие беспомощные? Ручки, такие ручки. Пальчики. Колечко блеснуло, серебряное. Браслетик, цепочка. А под тонкой тканью, кажется, ничего больше нет.

Лукас взволнован. Рука порхнула, задев случайно спину. Настя повязала платок.

Как парижанка, да еще в этих очках. И туфельки. Как они только в них ходят?

О!

- Сегодня по случаю – праздничный ужин! – провозглашает

Дрон.

Шорты у него рваные, почти до самой задницы. Волосы как тутовник. В них какие-то вкрапления инородного. И майки у них странные, все одинаковые – исписаны-изрисованы явно собственноручно.

- Что за праздник? – спрашивает-смеется Лиза.

- Праздник цветов и плодов! Ты привез?

- Спрашиваешь! – Лукас, как само собой разумеющееся.

- Тогда не будем медлить! Друзья мои, прошу почтить присутствием нашу скромную обитель, - Алекс смешно в лакейской позе.

- Вперед!

- Буш, а купаться?

- Купаться? Пойдем на водопад. Ей покажем, - кивает в мою сторону, - она не видела.

- А море?

- На море далеко. Завтра ходим.

- Анастасия! – Алекс сияет. – Ваше появление воскрешает отмирающие чувства!

Не понимаю. Что? Надо улыбнуться.

- Что там у тебя отмирает?!

- Не обращай внимания, он у нас Поэт! – Лукас внимателен.

- Я имел в виду, что старые предметы обретают свежесть с появлением...

- Мы все поняли.

- Освежим нашим появлением водопад!

- Пусть лучше он нас освежит, - Лиза обмахивается панамкой. –

Ну и жарница.

- А вещи?

- Пусть пока в машине. Только купальники возьмем. Настя!

- И вино! Надо охладить.

- Дрон, тащи канистру. Перельем. Чего с бутылками таскаться.

- Вперед! Все за мной! – кричит-поет Буш. – Они нас догонят.

* * *

Водопад обрушивается в купель. В ней достаточно глубоко, чтобы стоять в воде по пояс. Переливаясь через край, вода течет рекой по валунам, по камням, по гальке. В ней так приятно стоять босиком. Но камни скользкие. Осторожно.

Они такие загорелые все, летние южные люди. Упругие и гибкие тела живущих на природе. Смешно смотреть на себя – сахарная голова. Того и гляди растаю. А они ловкие. Мне же неловко с ними наравне. Боюсь поскользнуться, грохнуться. Вот смеху-то будет. Лиза уже плещется.

Лукас подает руку.

- Иди сюда, не бойся.

- Вода холодная.

- Это с непривычки.

Он прыгает в купель. Делает вид, что хочет брызнуть.

- Ой, не надо! Не надо!

- Прыгай, я поймаю, - протягивает руки.

- Лукас! Подкинь меня! – кричит Лиза.

- Буш!

- Нет, он не сможет, он слабенький.

- Кто это слабенький!

Визг и брызги во все стороны. Лучше побыстрее окунуться. Невозможно терпеть. Ай!

Ах, как хорошо! Это ли не рай земной? Просто не верится. Какая красота вокруг! Так бы и осталась здесь навсегда. Навсегда!

- Настасья, плыви к нам, - зовет Дрон.

- Там не глубоко? Я не умею.

- Как это возможно? Неужели есть еще такие люди?

- Завтра мы непременно исправим эту нелепую ошибку судьбы, - обещает Алекс. – Беру на себя обязанности инструктора по плаванию.

- А я ассистентом пойду! – кричит Буш.

- А я – как наглядное пособие! – кричит вместе с ним Дрон. – Ха-

ха-ха!

- Настенька, вы утверждаете наши кандидатуры?
- Конечно, - она смеется так радостно.

Какие они смешные. Совсем не страшные.

- Пора домой, - зовет их Лиза. – Есть так хочется.
- Идем-идем.
- Идем.

* * *

Запах, волнующий запах цветов. Одного неведомого цветка. Свежий и таинственный. Почти неосвязаемый, он наполняет сердце радостью, заставляя говорить и делать глупости, совершать невозможное. Он заставляет страдать ровно в той мере, как и испытывать блаженство, ни с чем не сравнимое. И если б только знать, если б быть уверенным... Как уловить, не спугнуть?

Лиза смотрит на подругу. Она не может понять. И нечто внутри нее настороженно ищет. Но пока нет причин, нет причин. Свежий ветер приносит с моря запах соли и рыбы, запах тины и пены. Все знакомо, все как всегда. Она не ощущает ничего такого, что подсказало бы ей.

А молодые мужчины, словно шмели, отлично чувствуют тот блаженный аромат, что источает свежий розовый бутон, почти готовый раскрыться и зацвести, благоухая прелестью молодого тела, какую не спутаешь ни с чем, ни с чем, и уж точно не пройдешь мимо. И вот они роятся, в ожидании, боясь пропустить тот благословенный час, когда бутончик раскроется. И всякому хочется быть первым, оплодотворить, нежно касаясь лапками и хоботком. Ползти по этому цветку желая, теряя голову, почти лишаясь чувств, вбирая в себя чудесный нектар, до капли, до капли... Экое чудо! Чудо!

* * *

Море волнуется – раз, море волнуется – два...

Волны, накатывая, с рокотом отступают, увлекая за собой гальку. Выбрасывают снова. На берегу кое-где розовые осколки рапанов. Настя собирает, удивляясь. Как красиво!

- Хочешь, я достану тебе целый? – говорит Лукас.

- Откуда?

- Из моря.

Она смотрит на него с недоверием и восхищением одновременно.

- Не теперь, конечно, - отзывается он на ее взгляд. – Когда успокоится.

- У нас там были археологи, - Лиза указывает рукой на выступающий в море спиногорбый мыс- муравьед. – Теперь у них даже музей есть. Хочешь, сходим?

- Конечно. А ты уже была?

- Да, один раз.

- Ладно, вы идите, а я – здесь.

- Нет, Лукас, пойдем с нами.

- Пусть остается, если хочет. Ему не интересно.

- А зря. Кажется, в этом есть нечто волнующее – найти древнюю вещь, которую сделали, может быть, тысячу лет назад. А ты теперь держишь ее в руках, и как будто...

- Да нет там вещей – одни черепки.

- Я же сказала, ему это не интересно.

- Ну что ж, а я бы посмотрела.

- Тогда пойдем. Пока, Лукас.

- Ну, вы не долго там. А то мы без вас все съедим.

- Подумаешь.

Лиза отчего-то не в духе. Может, из-за погоды? Только бы дождя не было, а так – ничего. Прохладно. Одуреть можно от этой жары. Они-то привычные.

Идти тяжело. Ноги быстро устают по камням. Волны шарахают о берег с такой силой! Приходится кричать. Брызги долетают даже сюда. Но ветер теплый. В воздухе острый запах йода. Не слишком приятный.

Мыс приближается.

* * *

Стеллажи, стеллажи, шкафы, столы, полки – все завалено осколками отжившей цивилизации. Удивительно, как они сохранились. Что же останется после нас?

Зал довольно просторный, нигде ни души.

- Смотри, это волшебный горшок, - Настя осторожно взяла со стола, - он холодный и влажный, и был таким тысячу лет.

- Не может быть, - Лиза недоверчиво прикоснулась к стенке, - и правда. А может, он новый? Подделка?

- Нет, ну что вы, зачем же, - хранитель вырос как из-под земли, впрочем, он настроен по-дружески, - здесь все исключительно подлинное.

Он никак не реагирует на то, что они держат столь ценный горшок в руках.

- Кстати, редчайшая вещь. Сосуды, подобные этому, служили нашим далеким предкам...

Принялся рассказывать, но Лиза откровенно скучает. Кажется, все это интересует ее еще меньше, чем Лукаса. Странно, как может быть безразличным такое? Да еще если представить, что мы стоим теперь на той самой земле. Удивительно, удивительно, ей богу.

- Красивая брошка, - довольно вялый комплимент.

- Это фибула. Застежка для плаща.

- Значит, у меня тоже есть фибула. Дома. Приедешь – покажу. Какие толстые кольца. Как они, интересно, их носили? – Лиза смешно растопыривает пальцы.

- Это не кольца – пряслица.

- А что это?

- Грузики, для нитей.
- Черепки, смотри, с двух сторон, - берет и показывает Насте, - как это? Узор изнутри?
- Это веревка, - снова вмешался хранитель.
- Что?
- След от веревки. Но экспонаты, - он отнимает черепок, - не разрешается трогать руками. Это же музей, девушка.
- Но... - Лиза недоумевает.

Она исподволь вглядывается в нее, пытаясь понять: отчего? Что в ней такого особенного, что те прямо голову потеряли, а с ней самой – всегда только друзья. Привычка? А тут незнакомое, новое? Но... Ведь нет в ней ничего, а так только – бледное подобие, бесформенное. А лицо? Просто смешно. Очень мило. Даже не красится. С того раза – сложно представить. Никогда бы не подумала. Так в чем же дело?

Лиза права. Нет в ней ничего такого, что можно было бы заметить глазом, ничего сверхъестественного. Только одно: удивительный и незримый, тончайший, пленительный аромат, что окружает, обволакивает ее, словно воздушный крем плоды сладкого персика; благоухание цветка, чьи чистейшие лепестки, увлажненные росой, упавшей на заре, как лепестки божественного лотоса, вот-вот раскроются, обнажив вечный сосуд желания, сосуд не иссякающего наслаждения.

Но женщины, к сожалению, почти не ощущают его.

* * *

Дух жареного мяса от костра. Аппетитно. Резаные овощи в миске. Хлеб. Кажется, всю жизнь ничего не ели!

- А мы уж думали, вас в море унесло, - Буш переворачивает шампуры.

Спиной сидит кто-то, в черном балахоне, волосы космические. Курит. Оборачивается только намеком, себя не утруждая.

- Приветствую.
- Привет, Грач. И ты здесь.

- Не мог, не мог отказать в удовольствии...

- Ладно, расслабься. Это Настя.

- Та самая?

- Смотря что ты имеешь в виду?

- Значит, она. Здравствуй, Настя.

Он встает, отложив чубук. Подает ей руку ладонью вверх.

Она немного смущена таким вниманием.

- Грач у нас тоже поэт, - говорит Буш.

- Да-да, великий поэт, и при том еще и художник, - говорит Лиза чуть насмешливо.

- Да, - Грач снова садится и курит, - я вам сегодня прочту, новое, написал по случаю.

Он, как человек-дом – куда ни придет, всюду на своем месте – расположится, будто на века, вращая своей «плащ-палаткой» в землю. Но лишь ветер подует, он уж перекаати-поле: несется на всех парусах – чинно, как флагман – ступая ногами сорок пятого размера.

- Грач, дай нож.

И все у него с собой. Все есть. Вытаскивает. С костяной ручкой.

- Отлично. Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста.

- А эти где?

- За дровами. Придут сейчас. Сухой персик нашли, так его еще фиг распилишь.

- Нечего пилить, - рассуждает Грач, - целиком пусть тащат.

- Они и тащат. Лукас завтра уезжает.

- Уже? А что так? – Настя немного огорчается.

- Потому что завтра понедельник – работа, - Лиза разводит руками – ничего не поделаешь.

- А я думала, он всё.

- Не вышло, значит. Он потом за нами вернется.

- Через неделю?

- Скорее всего.

- Лукас, он молодец, - рассуждает Грач, - знает, чего хочет.

- Воды! Воды!

- Пока там кто-то лес валит, другие...
- А ты бы лучше помог, вместо того, чтоб разглагольствовать.
- Давайте быстрее, только что снял, - Буш держит миску с шашлыком.

Только цыган не хватает с гитарами. Настя улыбается, смотрит и не может понять: ей странно-непривычно подобное буйство, и неловко, чуть-чуть неловко оттого, что сама сидит все время молча. Но что здесь скажешь? разве с ними сравнишься? Конечно, о ней не забывают. Лукас. Порой даже кажется, будто все это для нее. И от этого неловко вдвойне. Хотя и приятно, очень приятно.

- Давай, Грач, соври нам что-нибудь.
  - Твои поэмы только под этим делом слушать. Отлично.
  - Ну, - он обшаривает какие-то потайные карманы, - желание публики для нас – закон!
  - Для вас – это для гениев что ли?
- Из скромности он оставляет без внимания.
- Чего ты все по бумажке читаешь? Нормальные поэты свои стихи обычно помнят.
  - Это только те, кто думает, когда пишет.
  - К нему это явно не относится.
- Ха-ха-ха!
- Слушайте уже. Это новое.
- Он принимает позу. Скандирует:

*Как бурное море бьется о скалы,
Как птица взлетает, доверяясь ветру,
Так я мечусь в поисках утешенья
И рву волосы у себя на затылке.
Не зови меня мама, не плачь, не протягивай руки,
Все равно не унять тебе боль,
Угнездившуюся в сердце –
Не могу я жить без моей Мариулы,
Нет, не жить мне больше без моей принцессы.*

Сколько снов я видел полоумных, жарких,
Сколько мыслей износил у себя в кармане,
И все растерял, растоптал, изрезал,
Погибая насмерть без моей принцессы.
Не зови меня мама, не протягивай руки –
Потеряла ты своего безобразного сына.
Подарил он сердце прекраснейшей из женщин,
А она... а она... - как будто всхлипывает, -
Оказалась шлюхой! – Ха-ха-ха-ха-ха!

- Э, полегче, полегче, здесь дамы!
  - Извините, дамы!
  - Грач, нас не на шутку пугает твой лирический герой.
  - Какой еще лирический – самый что ни есть трагический!
- Ха-ха-ха!
- Прочти еще что-нибудь. Повеселее.
  - Если шпаргалку захватил.

Грач читает снова. Какие-то безумные стихи о любви. Смотрит на нее, как будто обращается лично к ней. Жесты его порывисты и широки. Благодарная публика рукоплещет и виноплещет автору.

- Все, мне пора! – фрегат расправляет паруса.
- Куда ты попрешься в ночи?!
- Сказал, домой пора. Баста, - снимается с якоря.
- Ну, хозяин – барин. Завтра мы к тебе – картины смотреть.
- О.К. Настеньку не забудьте. Остальные могут... - он растворился во тьме.

* * *

Заподдень Лиза, Настя и Буш спустились в поселок. Буш с рюкзаком – в сельпо.

Грач на окраине снимает полдома. Так с наружи и не скажешь, что жилого. Вопросы быта так же мало волнуют его и изнутри. Все завалено-заставлено-завешано холстами и подрамниками.

Скомканные бумажки, наброски. Тюбики с краской по полу. Валаам.

Огромные картины подозрительно трудны для понимания. Грач же смирен, тих и задумчив. Готовит чай, сложно манипулируя ковшиками, ситечками, стаканами.

- Я прочту вам поэму, вы не против? Только сегодня написал.

- Когда это ты успел? – недоверчиво удивляется Лиза.

- Ночью. Всю ночь писал.

- Ну, раз так...

- «Цветок-желание» называется.

- Цветик-семицветик, - тихонько хихикает Лиза мне на ушко.

Он долго читает нечто недоступно-проникновенное. Снова глядит на нее мучительно, исподлобья. Настя усердствует понять, о чем речь. Но смысл не в словах. Подспудно ощущая некий призыв, она почти готова следовать древнему зову, позабыв себя самое, почти готова влиться в тот бурный поток, проистекающий из глубины вулканизирующего сердца.

Их взгляды встретились, случайно, и нечто невообразимое, мгновенное, как вспышка, промелькнуло тогда, и обдало жаром, и уже не было сил смотреть друг на друга, и не смотреть.

Внезапно увидел он тот благословенный цветок, что воспевал неустанно в своих сумасбродных стихах, здесь, воочию, прямо перед собой.

Бутон приоткрылся, испутив жадный и жгучий, нестерпимый аромат любви.

Они в последний раз смотрели друг на друга.

«Скажи: да!» - молил поэт, окунаясь в этот чистый и непорочный, незамутненный родник.

«Скажи: да!» - просили и искали ее глаза, погружаясь в черную бездну расширившихся зрачков.

И вдруг где-то в глубине, на черном бархате глазного дна, она увидела, онемев, красный бутон, медленно разворачивавший перед ней свои трепещущие лепестки, постепенно обнажаясь до самого

дна, раскрывая вечную тайну происхождения вещей.

Ах! – она отвела глаза, подумав, что ей почудилось это. И снова взглянула – но нет!

Красный цветок плыл и качался, как на волнах, то загораясь, то бледнея, постепенно погружаясь во мрак карих глаз, горящих ослепительным и жарким светом.

- Настя! – дергает Лиза, - нам пора. Буш пришел.

- Ну и что? – она не понимает, что за спешка, - он же тоже картины хотел.

- Ничего, в другой раз. Пойдем. Грач, мы уходим, пока.

- Я бы предпочел...

- А тебя не спрашивают.

* * *

- Лукас! Ты еще не уехал? Мы с тобой.

- Куда? В город?

- Да, в город. Всё, собираемся.

- Но...

- Если хочешь, ты можешь остаться, - не смотрит, занимаясь с пакетом.

- Да нет, зачем же... - Настя растеряна. – Что-то случилось?

- Ничего не случилось.